

- Pro-European Choice // The EU & Ukraine: Neighbours, Friends, Partners? Ed. A. Lewis. L., 2002; Haukkala H. The Making of the European Unions's Strategy on Russia // Ed. H. Haukkala, S. Medvedev. Learning the Grammar of the CFSP. Helsinki; Berlin, 2001.
- ²⁴ См.: Гутник В. От партнерства к ассоциации? // Pro et Contra. 2003. Т. 8. Зима. С. 7–24.
- ²² Хауккала У. Указ. соч. С. 51.
- ²³ Prikhodko S., Pachomov V. Problems and Prospects of Russia's Accession to WTO // Russian-European Centre for Economic Policy. 2001. Sept. P. 13.
- ²⁴ Степанов А. Вектор сближения // Европа. 2004. № 6. С. 34.
- ²⁵ См.: Pinder J. The Union's Economic Politics toward Russia // The EU & Russia: The Promise of Partnership. Ed. J. Pinder, Ju. Shishov. L., 2002. P. 19–20.
- ²⁶ Шевелькова О. Энергетический диалог: переход в конструктивную фазу // Европа. 2003. № 35. С. 11.
- ²⁷ См.: Лукьянов Ф. Во имя общего будущего // Европа. 2003. № 5. С. 5–10.
- ²⁸ Timmermann H. From Visions ... P. 95.
- ²⁹ Avere D. Transborder security and regionalism / Ed. D. Heró, A. Aldis. Russian Region and Regionalism. Strength through weakness. L., 2003. P. 63–81.
- ³⁰ Stalvani C-E. The Northern Dimension: A Policy in Need of an Institution // The Baltic Area Studies. 2001. № 1.
- ³¹ См.: Тарасов И. Россия и страны Восточной Европы в процессе континентальной интеграции // Власть. 2004. № 7. С. 56–63.
- ³² Худoley К. Указ. соч. С. 24.
- ³³ Кандель П. Указ. соч. С. 5.
- ³⁴ Timmermann H. Op. cit. P. 110.
- ³⁵ Ibid. P. 11.

Слово молодым политологам

УДК 37.013.78

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Е.А. Самсонова

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: samsonova.elena@gmail.com

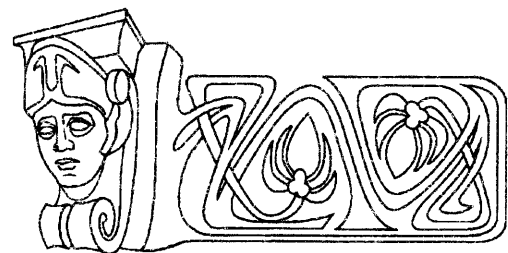
В статье обоснована актуальность исследования ценностных ориентаций современной российской молодежи, оформившихся в результате кардинального реформирования общества в 1990-е гг. и являющихся основой «поколенческого разрыва». Осуществлен анализ методов исследования структуры ценностей современной российской молодежи, наиболее эффективным среди которых является факторный анализ или «метод главных компонент».

Methods of Russian Young People's Value Orientations Research

Е.А. Samsonova

The author of the article proves the topicality of appealing to the research of Russian present-day young people's value orientations that were shaped as a result of the fundamental reforms that took place in the 90s of the last century and provided a basis for «the generation gap». The analysis of Russian present-day young people's value orientations research methods has been put into practice. Factor Analysis or Principal Components Analysis method is thought to be one of the most effective among others.

«Конфликт отцов и детей», «поколенческий разрыв», «мировоззренческий раскол между возрастными группами» – в таких терминах определяется один из наиболее универсальных социаль-

ных конфликтов, устойчиво воспроизводящийся во все времена и во всех обществах. Основу конфликтов этого вида составляют индивидуальные и групповые различия в убеждениях, установках, представлениях молодежи и старших возрастных групп. Обострению поколенческих конфликтов способствуют радикальное изменение социально-политических условий, политические катаклизмы, порождающие различия в политических позициях, целях и ценностях. Радикальные преобразования нарушают преемственность поколений, культур, процесс социализации, определяющий формат ценностей и их трансляцию.

Основу поколенческого разрыва составляет разрыв ценностных ориентаций различных поколений. Чем они существеннее, тем острее разногласия, идейное противостояние, взаимная критика, неприятие и враждебность поколений. Ценностные различия в наибольшей степени проявляются именно в возрастных группах. Исследовательскими центрами устойчиво фиксируются полюсы ценностей, связанные с возрастным критерием «молодежь – старшее поколение». Люди же среднего возраста по одним параметрам тяготеют к молодежи, по другим – к людям старшего возраста¹.

Разрыв ценностных ориентаций имеет несколько аспектов: социальный – характеризует отношение государства к поколениям, акты поддержки и заботы; экономический – включает уровень и профессиональную структуру занятости поколений в различных сферах трудовой деятельности; бытовой – отражает различия в условиях повседневной жизни поколений; культурный – касается различий в уровне образования, степени овладения культурным наследием и, наконец, политический – характеризует отношения между поколениями в системе власти, участие в работе партий и политических движений, симпатии и антипатии, проявляемые по отношению к политическим лидерам, идеологиям, отношение к реформированию государства².

Проблема поколенческих и ценностных разрывов наиболее актуальна для российского общества, пережившего в 1990-х гг. революционные трансформации всех сфер общественной жизни. Если в западных обществах фиксируется «межпоколенный сдвиг в структуре ценностей»³, основанный на процессах постепенной замены ценностей, то в России имеет место «межпоколенческий разрыв», возникший в результате революционных изменений в обществе. Индивидуально-групповые ценности представляют собой надежный индикатор социально-политических трансформаций, особенно в периоды обесценивания культурных традиций и дискредитации идеологических устоев общества. Устойчиво воспроизводимые ценностно-поколенческие разрывы в обществе связаны с его кризисами и бифуркациями⁴. В процессе реформирования в постсоветский период многие институты социализации были разрушены, трансформировался характер информационного воздействия на молодежь со стороны государства. Однако социально-политическая ситуация в стране во многом будет определяться тем, носителем каких ценностей будет являться молодежь.

Под «ценностями» понимаются социально и культурно значимые для личности или группы явления действительности. Ценности, являясь важнейшими элементами внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом, ограничивают значимое для данного человека от несущественного. Ценности определяют «как глубоко укоренившиеся в сознании индивидов мотивы и ориентации, определяющие установки, нормы и мнения, которые, в свою очередь, регулируют или направляют человеческое поведение или, по крайней мере, часть его»⁵. Совокупность устоявшихся ценностей обеспечивает определенный тип поведения, мотивирует деятельность человека. Непротиворечивая совокупность ценностей обеспечивает цельность и надежность личности. Противоречивые друг другу ценности порождают непоследовательность в поведении⁶.

В силу того, что в центре нашего внимания находятся политические ценности, необходимо

определить и это понятие. Политические ценности могут быть определены как транситуативные цели, служащие руководящими принципами в практической деятельности⁷ или «обобщенные представления людей относительно наиболее значимых целей и норм поведения, которые определяют приоритеты в восприятии политической действительности, задают ориентации их действиям и поступкам во всех сферах жизни и в значительной мере формируют “жизненный стиль” общества. Система или совокупность доминирующих ценностей в концентрированном виде выражает особенности культуры и исторического опыта данного общества»⁸. Под политическими ценностями мы понимаем совокупность идей, представлений, установок, стереотипов, переживаний, чувств, определяющих целеполагание, выбор средств и методов деятельности⁹. Классическим является определение системы политических ценностей, как глубоко укоренившихся в сознании мотиваций, или ориентаций и установок, регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике, – как политической культуры¹⁰.

В контексте данного исследования более приемлем термин «ценностные ориентации», с помощью которого обозначают систему индивидуально-групповых установок, убеждений, предпочтений, выраженных в поведении¹¹. Во всех приведенных определениях наличествует причинная связь политических ценностей и поведения в политике.

Существуют большие трудности в определении структуры индивидуально-групповых политических ценностей. Определение и структурирование политических ценностей – это область разнообразных субъективно выстроенных исследовательских стратегий. В 1950-х гг. Т. Парсонс и С. Шилс, а в 1960-х гг. Г. Алмонд и С. Верба исследовали систему политических ценностей в соответствии с когнитивными, аффективными и оценочными ориентациями¹². Ценности авторитарного и демократического типа в структуре характера с помощью шкалограммного анализа в 1950-х гг. изучал Т. Адорно. Он пришел к выводу, что основу каждого типа характера составлял определенный набор ценностей, определяющих поведение личности в политике. Акцент делался на разработке методов латентного выявления структуры характера¹³.

Универсальным способом измерения политических ценностей остается техника социологического опроса, которая на сегодняшний день разнообразно представлена в работе различных исследовательских центров. Именно социологические опросы представляют собой наиболее эффективный способ измерения политических ценностей, убеждений, установок, характерных для общества в целом или отдельных групп. Нередко авторами предлагается довольно произвольный набор ценностей, носителями

которых является, по их мнению, молодежь. Такие исследования представляют интерес, как экспериментальные, предлагаемый набор ценностей производит впечатление штрихов или набросков к портрету современной молодежи, нежели концептуально обоснованной системы. Гораздо реже структурирование производится в соответствии с теоретически разработанными моделями ценностей. Именно эти исследования представляют наибольший интерес. Итак, в случае концептуально выверенного анализа измерение ценностей предполагает разработку методики их измерения. Социологическое исследование ценностей предваряет теоретически разработанная их модель.

С этой точки зрения представляет интерес модель измерения ценностей молодежи Ш. Шварца. В результате отбора ценностей из различных культур и на основе анализа разнообразных источников автором было выделено 57 ценностей личности, в дальнейшем сгруппированных в 10 мотивационных типов в соответствии с общностью целей: власть, достижения, гедонизм, стимуляция, самостоятельность, универсализм, доброта, традиции, конформность, безопасность. Далее, в рамках теории динамических отношений, система ценностей концептуально организуется в биполярные оси измерения.

Первое измерение включает, с одной стороны, открытость изменениям (самостоятельность и стимуляция), а с другой стороны, консерватизм (безопасность, конформность и традиции). Второе измерение включает, с одной стороны, власть и достижения, а с другой – универсализм и доброту. На основе теоретической модели ценностей был разработан опросник, пригодный для исследования как групповых, так и индивидуальных ценностей. Опросник представлял собой набор слов, характеризующих каждую из 57 ценностей. Респондентам предлагалось по семибалльной шкале оценить степень значимости ценностей как руководящего принципа их жизни¹⁴.

Для российской молодежи, например, наивысшей ценностью оказалась самостоятельность мышления и выбора способов действия в творчестве и исследовательской деятельности. Второе место в рейтинге заняла безопасность для себя и для других, гармония, стабильность общества и взаимоотношений. Третьей по значимости оказалась доброта как благополучие в повседневном общении с близкими людьми, включающая лояльность, снисходительность, честность, ответственность. Четвертое место в ранговой структуре ценностей российской молодежи заняли достижения, трактуемые как личный успех через проявление социальной компетентности. В числе наименее значимых оказались достижение контроля над людьми или ресурсами и следование традициям¹⁵.

Широко известны исследования Р. Инглегарта, основанные на данных проектов под названием

«Всемирные обзоры ценностей». Его техника измерения ценностного пространства заключена в определении соотношения традиционной власти и ее светско-рационалистических форм, с одной стороны. Религиозность и светскость, по мнению исследователя, являются факторами, определяющими отношение к государству, власти, национальностям. С другой стороны, базовым фактором является соотношение между ценностями самосохранения и ценностями самовыражения, которое определяет отношение личности к общественному порядку, борьбе с инфляцией, коррупцией, индивидуальному благосостоянию, межличностному доверию, политическую активность, толерантность. Во всех постсоветских странах коммунизм оставил глубокий отпечаток на системе ценностей тех поколений, кто жил при нем. Молодежь более свободна от какой-либо идеологии, хотя именно в молодежной среде фиксируется возврат к традиционным ценностям¹⁶.

По мнению Р. Инглегарта, характер и развитие политических систем в стране тесно связаны с состоянием ряда социально-психологических характеристик общества, которые он обозначил как «обширный синдром взаимосвязанных установок». Он имеет три измерения: «удовлетворенность», «доверие» и «поддержка изменений». Удовлетворенность жизнью, согласно исследованиям автора, положительно коррелирует в первую очередь с экономическим положением и практически не связана с типом политической системы и режима. Доверие складывается из политического и межличностного. В первом случае речь идет о доверии к существующей власти, ее институтам, лидерам. Во втором случае – о межличностном доверии. Отношение граждан к революционным изменениям общественного порядка составляет третье измерение синдрома. Массовая поддержка идеи революционных изменений свидетельствует о неблагоприятной ситуации в стране. Отсутствие такой поддержки означает принятие существующего общественного порядка. В совокупности три измерения отражают позитивное или негативное отношение человека к окружающему миру, поддержку или сопротивление установлению и развитию демократической или авторитарной системы¹⁷.

В России модели, аналогичные вышеназванным, разработаны В. Руковишниковым. Согласно его модели, факторная структура ценностей представлена в виде осей измерения. Анализ распределения по наиболее важным параметрам позволяет судить о наличии в обществе ценностного согласия или раскола. Ценности для автора – это прежде всего теоретический концепт. Он определяет их как недоступные для наблюдения, глубоко скрытые общие принципы, лежащие в основе мотиваций, установок или ориентаций, направляющих действия¹⁸. При этом реальное поведение может быть результатом взаимодействия нескольких ценностей. Их не столько сложно

выделить эмпирически, сколько сложно интерпретировать на теоретическом уровне. Методы факторного и многомерного анализа позволяют выявить группы взаимосвязанных переменных и заменить их одной комплексной, специально сконструированной, называемой фактором или главной компонентой.

Первая ось упорядочивает группы по характеру их идеологических ориентаций и отношению к социально-политическим изменениям в стране. У одного полюса оси расположились сторонники порядка, стабильности и равенства, группы людей с ориентацией на традиционные русские и коллективистские ценности, «левый» электорат и коммунисты, а у второго – сторонники перемен и свободы, группы с либеральными установками, индивидуалисты, «правый электорат». В центре находятся национально-патриотические ценности.

Второе измерение упорядочивает группы на основе психологических оценок происходящего. На одном полюсе находятся те, кто не удовлетворен переменами, разочарован. На втором – группы, благожелательно воспринимающие перемены, толерантные. Между центром и полюсами «поддержки» располагается молодежь. Наибольшие ценностные различия фиксируются в позициях молодых и пожилых людей по проблемам политики, морали, национальной безопасности. Диаметально противоположным образом оценивают прошлое, настоящее и будущее группы, разделенные возрастом. Авторы приходят к выводу о том, что носителями либеральных ценностей и позитивного настроения по отношению к происходящему чаще всего являются молодые люди. Наиболее значимым является идеологический ценностный конфликт по линии – новая и старая система ценностей. Характерными особенностями новой системы ценностей является индивидуализм, утрата чувства локтя – единения с другими людьми, нарциссизм и гедонизм, личностная ориентация, доминирование частных интересов над общественными. Элементами старой системы ценностей являются тоска по старым добрым временам, требование обеспечить прежний уровень социальной защиты и ответственности государства за благополучие граждан, разочарование, фрустрация и неудовлетворенность ожиданий¹⁹.

Центром социального прогнозирования на протяжении ряда лет проводилось общероссийское исследование структуры молодежных ценностей: мировоззрения, правового сознания, молодежных субкультур, влияния религий, экстремистских настроений²⁰. В результате исследования были выделены пять ценностей, в наибольшей степени мотивирующих поведение современной молодежи. Система выделенных ориентаций находится в иерархической соподчиненности. Мотивационной основой поведения большинства молодежи является мораль (82%). На втором месте по значимости оказалась религиозно-этническая толерантность (48%). Третье и четвертое место в

рейтинге заняли чувство долга и стремление сделать карьеру (по 26%). Самой низкой по значимости оказался фактор политико-правовой культуры (17%). Идеологически свое поведение мотивируют лишь 37% молодежи. Их можно отнести к числу людей целеустремленных, определяющих свой жизненный путь самостоятельно. При этом на первом месте оказались такие ценности, как семья, друзья и близкие (24%), на втором – желание сделать карьеру и разбогатеть (7%) и лишь 6% руководствуются такой ценностью, как служение Отечеству²¹.

Таким образом, в каждом исследовании характер структурирования ценностей оригинален и субъективен. Изучение ценностей предполагает создание модели, важнейшим элементом которой является именно структурирование ценностного пространства личности или группы. Общим для всех методик является использование принципов классификации, редукции и факторного анализа. Классификация применяется для группировки личностей по наиболее отличающимся ценностям. Однако в силу их большого количества и разнородности, используется факторный анализ, смысл которого заключен в поиске ценностей или групп ценностей, которые можно было бы объединить в «факторы». Объединение происходит на основе принципа редукции²². Таким образом, факторы представляют собой совокупность ценностей и не могут быть измерены напрямую. Они позволяют объяснить различные социально-политические явления и поведенческие реакции на события²³. Проблема сочетания ценностей, образующих «фактор», решается в каждом исследовании своеобразно. Общим является лишь то, что «фактор», или «главную компоненту» можно понимать как группу тесно взаимосвязанных индивидуально-групповых ценностей, формально представляемых в виде осей измерения, посредством которых упорядочивается и структурируется ценностное пространство российской молодежи.

Примечания

- 1 См.: Урнов М., Касамара В. Современная Россия: вызовы и ответы. М., 2005. С. 131.
- 2 См.: Социологическая энциклопедия: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 210.
- 3 См.: Инглегарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6.
- 4 См.: Шахматова Н.В. Социология поколений: поколенческая организация современного российского общества. Саратов, 2000.
- 5 Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 92.
- 6 См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 765.
- 7 См.: Карандышев В. Российские и американские ценности личности: сходство и различие (на примере

- студентов) // Российско-американские отношения в условиях глобализации. М., 2005. С. 81.
- ⁸ Пантин В., Ланкин В. Эволюция ценностных ориентаций россиян в 1990-е годы. М., 1997; Ланкин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс. 1996. № 5.
- ⁹ См.: Политология: Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 391.
- ¹⁰ См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура // Антология политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. 2. С. 594.
- ¹¹ См.: Большой энциклопедический словарь. М., 1997. С. 1330.
- ¹² См.: Парсонс Т. Социальное взаимодействие. М., 1998; Алмонд Г., Верба С. Указ. соч.
- ¹³ См.: Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М., 2001. С. 9.
- ¹⁴ См.: Карандышев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004.
- ¹⁵ См.: Карандышев В. Российские и американские ценности личности... С. 81; Schwartz S.H. Values // Handbook of Cross-Cultural Psychology. Boston, 1997.
- ¹⁶ См.: Инглегарт Р., Бейкер У.Е. Модернизация, культурные изменения и устойчивость традиционных ценностей // Теория и практика демократии. М., 2006. С. 144;
- ¹⁷ См.: Инглегарт Р. Постмодерн ...
- ¹⁸ См.: Пажес Ж.П. Конфликты и общественное мнение // Социс. 1991. № 7. С. 107–115; № 10. С. 141–152.
- ¹⁹ См.: Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Указ. соч. С. 263.
- ²⁰ См.: Шереги Ф.Э. Правовое воспитание молодежи // Российская молодежь: проблемы и решения. М., 2005. С. 212.
- ²¹ Там же. С. 214.
- ²² Принцип редукции представляет собой логические процедуры сведения данных к более простым формам выражения, облегчающим их анализ.
- ²³ См.: Елисеева И.И., Рукавишников В.О. Логика прикладного статистического анализа. М., 1982.

УДК 324

ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ КАК ФАКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Е.В. Аржаев

Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: ie57@yandex.ru

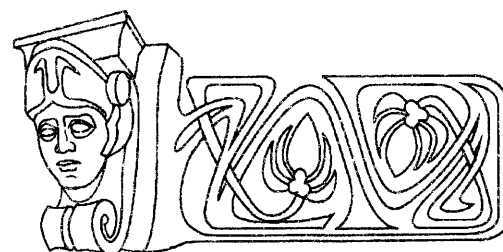
В статье рассмотрены понятие и специфика институциональных имиджей и технологий их использования на примере политических партий и легитимации института «преемничества» в современной России.

Political Institute Image as a Factor for Authority Legitimation in Modern Russia

E.V. Arzhaev

The paper considers the concept and specificity of institutional images and technologies of their use with political parties and legitimation of the successorship institute in 2000 and now as an example.

Преобразования политической системы России в 2000-е гг. актуализировали проблему образа власти в массовом сознании и его использования в имиджевых информационно-коммуникационных технологиях. Очевидно, что специфическое восприятие российскими гражданами феномена власти и ее отдельных институтов активно и целенаправленно использовалось действующей исполнительной властью в ходе создания благоприятной социальной среды для политических реформ и укрепления «вертикали власти».

Формирование положительного имиджа государственных властных институтов (прежде всего, Президента Российской Федерации), как и позитивного образа проводимых преобразований в целом, стали важнейшей предпосылкой и условием для информационно-коммуникационного воздействия на российское общество с целью повышения уровня доверия и легитимности трансформируемых политических институтов. Институциональный имидж приобрел также особое значение в связи с эволюцией партийной системы и изменением места и роли института партий в политической жизни современной России.

Безоговорочная победа «Единой России» на выборах 2 декабря 2007 г. еще раз подтвердила значимость имиджевых технологий для повышения рейтинга и легитимации партий как основных участников избирательного процесса и других политических институтов (избирательной системы, выборов, парламента, правительства, судебных органов).

Институциональный имидж часто трактуется исследователями как образ, целенаправленно формируемый институтом власти, транслируемый на общественное сознание и артикулируемый обще-